

Методика и техника массовых опросов

Публикуемая статья Яна Лютынского, известного польского социолога, основоположника лодзинской методологической школы, является одной из его последних работ. Перевод статьи был подготовлен при жизни автора. Его жизнь оборвалась в 1988 г., когда материал был уже передан в редакцию. Статья является сокращенным вариантом работы: J. Lutynski Pytanie jako narzedzie w surveyowych badaniach sociologicznych. // Studia sociologiczne., 1979, MS 1, S. 93—118

Редакция благодарит Кристину Люты иску за помощь в подготовке рукописи.

Я. ЛЮТЫНСКИЙ

ВОПРОС КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

На протяжении многих десятилетий основные методы сбора социологической информации — анкетный опрос и интервью — подвергаются серьезной критике. Ее поток всегда был достаточно мощным в польской литературе [1], а в американской особенно усилился за последние 15 лет, прежде всего, в результате деятельности этнометодологов [2]. В других западных странах критика анкетных методов составляет, кроме всего прочего, часть кампании, которую социологи-радикалы ведут против «официальной» академической науки [3].

Обычно высказываются сомнения, можно ли с помощью стандартизованного вопросника получить ценные данные, касающиеся важнейших явлений общественной жизни и особенно тех из них, которые связаны с общественной психологией. Тем не менее и анкетирование, и интервьюирование по-прежнему используются большинством социологов во всем мире. В 50-х годах многим казалось, что разногласия по поводу методов социологических исследований преодолены [4], однако сейчас становится очевидным, что это не так.

Частное проявление упомянутых разногласий — различные концепции вопроса как средства получения данных. В отдельных методологических работах те или иные концепции описываются достаточно детально, но чаще всего они просто кратко сформулированы, либо имплицитно заложены в рассуждениях о достоверности собранной информации, представленных в учебниках или эмпирических работах. Рассмотрим эти концепции, уделив основное внимание той из них, которая, с моей точки зрения, наиболее приемлема.

В учебных пособиях по методике и технике исследований обычно не дается определения анкетного вопроса: считается, что это понятие не нуждается в толковании. Однако это не так. Попытаюсь дать свое определение, вначале безотносительно инструментальной функции вопроса. Вопрос — это включенное в анкету или бланк интервью высказывание исследователя (чаще всего в форме вопрошающего мнения), адресуемое респонденту и требующее от него более или менее содержательного ответа. Список подобных высказываний, при помощи которых осуществляется запланированный процесс обмена сообщениями в ходе интервью или анкетирования, и представляет собой вопросник.

Вопрос всегда сопровождается директивой по поводу того, где и как должна быть записана реакция (ответ) респондента. В совокупности с этой записью вопрос составляет запрограммированный исследователем акт взаимной коммуникации с респондентом в устной (интервью) или письменной (анкетирование) формах. В первом случае это единое целое, и хотя на практике возможен более длительный обмен связанными между собою сообщениями (например, при зондировании, уточнении и т. п.), результатом будет тем не менее одна запись ответа в отведенном месте и в предусмотренной форме регистрации. Что касается анкеты, то здесь коммуникативный акт, как правило, распадается на три разделенных во времени действия: а) формулировка высказываний исследователя в вопроснике (обычно письменно); б) восприятие вопроса и письменный ответ на него респондента; в) последующий отбор и анализ записей исследователем.

Приведенное определение позволяет идентифицировать вопрос в качестве специфической единицы текста, отделить один от другого независимо от способа нумерации и т. п. Однако оно не учитывает инструментальную функцию вопросов, т. е. то, что цель последних — получить информацию, необходимую для решения исследовательской проблемы. При всей условности терминологии, отличие вопроса в анкете (или из анкеты) как текста от анкетного вопроса как инструмента имеет методологическое значение (см. [5]). Носителем информации являются ответы респондентов, их вербальные реакции на высказывания исследователя.

Концепция вопроса как средства получения данных определяет правила построения вопросов в анкете или интервью и способы обоснования их адекватности исследовательской задаче.

Описание концепций, опирающихся на современную, более обстоятельную характеристику [6], начнем с так называемой тестовой, заимствованной из психометрии. Согласно ее основным положениям, вопрос в анкете трактуется аналогично позиции-индикатора в тесте, т. е. как несамостоятельный элемент инструментария, состоящего из ряда подобных элементов. Цель тестов — приписывание респонденту результата (как правило, количественного), репрезентирующего его место на шкале варьирующей ценности (в психологии — определенной черты личности, типа умений и т. п.) — требует предпосылок, которые в нормализованных тестах эмпирически обоснованы и касаются прежде всего достоверности и надежности. Следует подчеркнуть, что и то, и другое относится ко всему тесту, а не к одному его элементу — индикатору, а следовательно и к вопросу. Поскольку понятия надежности, достоверности или репрезентативности всегда касаются множества вопросов-индикаторов, людей или иной совокупности единиц, нельзя отдельно оценивать ответ на каждый

вопрос как надежный, достоверный или правдивый подобно тому, как единица, входящая в состав случайной выборочной пробы, не может быть описана отдельно как репрезентативная для данной пробы.

Позиции в тесте имеют еще одну особенность. Составляя предварительный список вопросов-индикаторов, исследователь часто исходит из его связи с понятием измеряемой переменной, связи, иногда, впрочем, достаточно свободной. Такой список обычно очень обширен, и дальнейшие усилия сводятся главным образом к элиминированию определенных вопросов, ответы на которые не увеличивают достоверности и надежности шкалы и теста. При этом в последнем могут оставаться вопросы, содержательная связь которых с понятием, соответствующим переменной, ясна. В любом случае с точки зрения содержания они не могут исчерпать всего понятия. И только когда тест максимально удовлетворяет упомянутым выше требованиям, допустимо даже произвольное содержание¹. Информация, полученная с помощью одного вопроса-индикатора, крайне ограничена и не имеет независимого значения для решения исследовательской проблемы.

Тестовая концепция вопроса как инструмента не чужда социологам. Вопросы-индикаторы применяются в качестве элементов расширенных и нормализованных шкал, например, известной F-шкалы [8]. Однако за редким исключением соблюдаются далеко не все правила построения корректных психологических тестов, а меры, обеспечивающие надежность и достоверность шкалы, обычно упрощаются. (Это касается также шкалы тревожности [9].) Подчас социологи из психологических тестов выбирают отдельные вопросы и включают в анкету или интервью, не задумываясь, будут ли полученные с их помощью результаты хотя бы приблизительно схожи с теми, которые дает применение полного нормализованного теста.

Вопросы тестового характера редко используются в социологии в соответствии с теми принципами и требованиями, которые предъявляет к ним данная концепция. Но дело не только в этом. Применение такого рода вопросов в социологических исследованиях ограничено рамками психологических переменных, которые, хотя и важны для социологии, но не единственны. В качестве основы построения инструментария тестовая концепция вопроса может выполнять здесь только побочную, вспомогательную роль.

Перейдем к другой концепции, не сопряженной, в отличие от рассмотренной, с подобными ограничениями. Поскольку она давно используется в социологических исследованиях, назовем ее традиционной и одновременно, учитывая определенные характеристики,— информационной. Согласно этой концепции, с помощью каждого вопроса должна быть обеспечена единичная семантическая информация о действительности, лежащей вне ситуации опроса. Например, мы прямо спрашиваем респондента: «Как называется населенный пункт, где Вы родились?», или «В каком году Вы родились?». К большинству вопросов-индикаторов и вопросов, построенных в соответствии с принципами других концепций, такой подход неприемлем.

Обоснование перехода от ответа респондента к переносному высказыванию очень просто. Чаще всего, не считая сугубо грамматических изменений, они равнозначны — так, ответ респондента «Я родился в 1946 г.»

¹ Подобное положение делает невозможным так называемый анализ логической валидности тестов. В приведенных здесь соображениях автор опирался на [7].

равнозначен высказыванию «респондент X родился в 1946 г.». Последнее, разумеется, должно быть истинным. Истинно же оно тогда, когда ответ респондента правдив, т. е., когда его можно считать достоверным информатором. Это понятие, введенное Гедимином [10], предполагает, что респондент услышал верно заданный вопрос и правильно понял его суть; что он хочет и в состоянии с точки зрения своих актуальных ориентации и интеллектуальных возможностей (память, способность к обобщению, синтезу и т. п.) придти к убеждению, соответствующему действительности, и, наконец, хочет вербализовать это убеждение. На такие предпосылки получения информации, а следовательно, и интерпретации ответа как достоверных сведений об изучаемом явлении чаще всего обращается внимание в методологических работах и учебниках. Вопрос трактуется в них преимущественно как требование искомой информации [11]. Отсюда — формулировки методических положений и директив, имеющих целью создание условий, в которых респондент может считаться достоверным информатором.

Как уже подчеркивалось, рассмотренная концепция применяется наиболее часто. При этом, составляя вопросы, социолог думает одновременно о двух задачах, не отделяя их друг от друга: а) что он хочет узнать о единицах исследования и б) как он должен задать вопрос, чтобы собрать информацию о каждой отдельной единице. Подготовка вопросов в рамках данной концепции, таким образом, очень проста. Однако это не значит, что необходимое требование о достоверности сведений, получаемых от респондента, всегда выполняется. Обоснование подобного убеждения обычно носит глобальный характер применительно ко всем вопросам и всей совокупности респондентов, к тому же, как правило, без тщательного эмпирического анализа. Естественно, при таком подходе вряд ли можно быть уверенным в достоверности ответов на трудные или деликатные вопросы, которые есть почти во всех анкетах и интервью.

Вопрос-инструмент, построенный в соответствии с требованиями традиционной концепции, может касаться различных явлений. Однако они должны быть осознаны респондентом — только тогда он считается надежным информатором. (Понятия, относящиеся к явлениям, осознаваемым респондентом, П. Абель назвал «внутренними» [12].)

Кроме того, по схеме информационной концепции не укладывается большинство вопросов о мнениях, весьма распространенных в социологических исследованиях. Дело в том, что с помощью единственного вопроса, задаваемого с этой целью, можно, как правило, получить представление о ситуационном мнении на момент опроса. Социолога же чаще всего интересуют устойчивые взгляды, для выявления которых нужны специальные психологические методики.

Следующая концепция, на которой мы остановимся, не имеет подобных ограничений. Назовем ее индикаторной. Она, если можно так выразиться, самая либеральная из всех, поскольку предъявляет к вопросу-инструменту меньше требований. По сути дела это приложение более широкой методологической концепции, а именно, разработанной в социологии главным образом в 50—60-х годах концепции показателя. Согласно ее положениям, анкетный вопрос, а точнее, ответ респондента служит показателем данного понятия и, в сущности, соответствующего ему явления, или индиката. Показатели должны быть более доступны, чем индикаты, которые часто вообще ненаблюдаемы. (Таковы, например, установки, мнения, диспозиционные характеристики.)

Очень часто то или иное сложное явление охватывают несколько вопросов, ответы на которые представляют собой частные показатели целого. На основе этих фрагментов-индикаторов (нередко, впрочем, неточных) ученый конструирует целое. (Схему такого действия описал П. Лазерсфельд в своей знаменитой работе [13].) Хотя обычно необходимо знать отдельные фрагменты для решения конкретных проблем исследования, это не является правилом, как в случае применения традиционной концепции. Здесь чувствуется влияние тестовой концепции и связанного с ней стиля мышления, а также убеждения, что точное определение индиката не обязательно. Существенно также, что одновременный охват несколькими показателями одного явления снижает вероятность ошибки. Эта бесспорно правильная точка зрения иногда выражена эксплицитно, равно как и мнение, согласно которому для повышения вероятности одного вывода необходимо провести более одного исследования. Примеры подобных рассуждений и их систематизацию в соответствии с принципами рассматриваемой концепции дает С. Новак [14].

Индикаторная концепция анкетного вопроса не монолитна. Иногда методологи, которые принимают ее положения, отмечают возможность и необходимость описания силы связи между индикатором и индикатом. Как правило, такие замечания встречаются в теоретических работах [14, 15]. Практики же обычно придерживаются другой версии, в соответствии с которой установление силы этой связи невозможно. Допускается неточное определение индиката даже в теоретических терминах, не говоря уже об опыте непосредственных наблюдателей и — в известных случаях — участников исследуемых явлений. В этой ситуации смысл понятия устанавливается непосредственно в результате его операционализации, т. е. построения соответствующего вопроса.

* * *

Сущность расширенной информационной концепции, которая достойна более подробного рассмотрения, заключается в трех составных элементах вопроса, выполняющего функцию исследовательского инструмента. Речь идет, во-первых, о тексте вопроса в анкете; во-вторых, о классификации полученных ответов (реакций респондентов); и в-третьих, об описании некоторого положения вещей, образующих изучаемое явление. Между последними и классами реакций респондентов существует определенная связь, которая должна носить взаимно однозначный характер. Иными словами, с одним классом ответов должно быть связано всегда одно и то же положение вещей и наоборот. Если бы вопрос был надежным инструментом, так оно и было бы. Однако на практике почти всегда наблюдаются отклонения. Например, постоянно встречаются ответы, которые не позволяют зачислить изучаемые единицы в ту или иную категорию, предусмотренную в исследовании.

Трехэлементную структуру анализируемого инструмента можно представить в форме трех вопросов. Первый — вопрос в тексте. Второй — задает себе тот, кто классифицирует реакции респондентов (т. е. чаще всего кодировщик), иногда — анкетер или интервьюер. Он звучит так: «К какому классу принадлежит реакция (ответ) данного респондента на данный вопрос?» Упомянутые классы различаются в зависимости от типов ответов на третий вопрос. Это собственно вопрос исследователя по

поводу каждой изучаемой единицы. Ответ на него свидетельствует, к какому классу данных явлений относится та или иная единица, какой вариант ценности или признака имеет место в конкретном случае. Решение этого вопроса представляет собой единичную информацию, искомую и, вероятно, получаемую социологом. Ответы на третий вопрос, относящиеся ко многим единицам, в свою очередь, образуют основу для решения поставленной проблемы.

При определенных условиях, когда респондентам задаются только закрытые вопросы, а они отвечают, используя предлагаемые формулировки, описанная модель редуцируется. Такое случается, главным образом, в анкетах, где выделена позиция типа «Затрудняюсь ответить». Добавлю, что анкетный вопрос как исследовательский инструмент не всегда охватывает все три элемента в момент введения в анкету текста вопроса. Чаще всего это бывает, когда применяется открытая форма.

Один вопрос, как текст в анкете или интервью, может быть элементом нескольких инструментов, когда с ним связано более одного вопроса исследователя. Тогда и классификация ответов респондента ведется чаще всего по нескольким основаниям.

Легко вообразить ситуацию, в которой искомая информация, составляющая часть анкетного вопроса как самостоятельного исследовательского инструмента, используется наравне с другими данными, относящимися к той или иной конкретной единице. Они представляют собой базу для информации высшего порядка, синтезирующую предыдущие. Исследователь соединяет несколько начальных сведений, перерабатывает их и трансформирует в единое целое. Так поступают при построении многомерных шкал или сложных классификаций явлений, в которых учитываются разнородные критерии. Подобный подход, как уже упоминалось, применяется в тех случаях, когда вопросы опираются на другие концепции, отличные от настоящей. При использовании же последней, его можно охарактеризовать более подробным способом, аналогичным тому, который выбирается обычно для описания обработки данных с помощью ЭВМ, т. е. как способ трансформации переменных (на единичном уровне) [16].

В отличие от концепции тестов, расширенная информационная концепция предполагает, что с каждым вопросом связана определенная информация, имеющая самостоятельное значение для решения какой-либо исследуемой проблемы. Отдельные полученные сведения можно, однако, связать между собой даже на единичном уровне, что часто и делается, особенно при построении шкал.

У этой концепции много общего с традиционной информационной и с трактовкой вопроса в качестве требования семантической информации. Вместе с тем она не предполагает двух обстоятельств: во-первых, что вопрос в анкете является таким требованием и, во-вторых, что он представляет собой вопрос в логическом смысле. Это всегда прерогатива единичного вопроса формулируемого исследователем. Согласно принципам рекомендуемой концепции, следует доказать обоснованность перехода от ответа респондента к ответу на вопрос исследователя, а также разработать модель каждого вопроса.

Расширенная информационная концепция имеет точки соприкоснове-

ния и с индикаторной. Собственно говоря, первую можно трактовать как специальный, пограничный случай второй. С другой стороны, есть и весьма ощутимые различия. Для построения модели вопроса, анализа его обоснованности и оценки валидности как исследовательского инструмента в предлагаемой концепции прежде всего необходимо тщательно и своевременно уточнить искомую конечную или ту информацию, получение которой считается возможным. Центр тяжести разработки инструментария падает, следовательно, на этап, предшествующий сбору данных, а не на период анализа результатов, хотя различные способы контроля обычно также нужны.

Кроме того, в отличие от индикаторной, здесь требуется как минимум гипотетически обосновать тот факт, что с помощью данного вопроса можно получить искомую информацию. С этой целью осуществляется построение упомянутой выше модели, которая должна быть использована при испытании вопроса. Таким образом, следование принципам рассмотренного варианта предполагает выполнение более жестких требований, чем при применении информационной концепции. (О ее «сильнейшей» разновидности—углубленном пилотаже — см. [17].) Как уже отмечалось, это сейчас нереально. Необходимо время, чтобы благодаря усилиям исследователей и методологов изменилась парадоксальная ситуация, когда, используя инструменты с неизвестным или мало известным способом действия, а также информацию с неизвестной степенью надежности, социологи говорят о верификации гипотез и теории.

Какие перспективы открывает рекомендуемая концепция? Прежде всего облегла в своей слабой версии, которую всегда можно реализовать, она облегчает селекцию вопросов, позволяет отбросить хотя бы некоторые из них как неэффективные. Важную роль здесь призваны сыграть указания относительно искомой информации, а также построения модели вопроса, охватывающего утверждения, которые обосновывают переход от ответов респондентов (зачисленных в определенные классы) к суждениям об исследуемых явлениях. Но, конечно, особое значение для совершенствования методик опроса имеет применение «сильнейшего» варианта рассмотренной концепции. При этом в различных странах такое применение обусловлено различными обстоятельствами. На Западе подготовка инструментария анкетных исследований достигла высокого уровня во многом благодаря тому, что по результатам опросов делаются прогнозы, правильность которых очень быстро проверяется на практике. (Например, по поводу итогов выборов или новых товаров на рынке.) Подтверждение (или неподтверждение) этих прогнозов служит критерием ценности всего исследовательского инструмента, в том числе и валидности вопросов — инструментов. Вместе с тем, как уже отмечалось, опросные методики критикуются этнометодологами и другими «аитинаaturalистами», а кроме того и сами сторонники применения анкет или интервью признают, что они обладают по крайней мере одним принципиальным недостатком. Выполненные с их помощью измерения единиц или совокупностей оказываются неточными, социолог не может оценить валидность результата и предельную ошибку [18].

В социалистических странах исследователь сталкивается с другими

трудностями и, прежде всего, с ограничением сфер жизнедеятельности, применительно к которым по результатам опросов можно сформулировать более или менее краткосрочные прогнозы.

Еще одна сложность связана с жесткой системой взглядов, пропагандируемых или, напротив, неодобряемых средствами массовой информации. В затруднительном положении оказываются как респонденты, которые имеют мнения, отличные от принятых официальной идеологией, так и исследователи, которые не знают точно, искренни ли опрашиваемые, устойчивы высказанные ими взгляды или ситуативны и т. д. [19]. Естественно поэтому стремление найти методы оценки валидности измерений и установления предела ошибок, которыми отягощен почти каждый результат. Только тогда можно пытаться совершенствовать опросные методики, отбросить худшие и выбрать лучшие способы исследования. Ничего удивительного, что именно в наших странах появляется много работ, в которых обращается внимание на валидность данных, подчеркивается необходимость оценки измерения и совершенствования техники исследования [20]. Достичь этого можно различными способами. Один из них, на мой взгляд, заключается в использовании при построении анкетных вопросов предлагаемой концепции, особенно ее «сильнейшего» варианта. Большое значение имеет при этом тот факт, что она обеспечивает относительно строгое описание по-разному оцененных исследовательских результатов, полученных с помощью анкетных вопросов, а также соответствующих этим результатам понятий, в частности понятия единичной ошибки. Последняя возникает, когда данную единицу зачисляют в ту категорию изучаемых явлений, к которой она не принадлежит, т. е. когда ответ, служащий основанием для зачисления, недостоверен. Если же ответ вообще не позволяет это сделать, он неадекватен. Требование достоверности и адекватности всегда нужно предъявлять к программному вопросу исследователя, т. е. к искомой информации. Если вопрос в анкете связан с двумя искомыми информациями, один и тот же ответ для одной из них может быть адекватен, а для другой — нет. В тех случаях, когда неадекватный ответ точно указывает, что искомая информация не относится к данной единице исследования, он желателен. Например, респондент отвечает на вопрос в анкете «не имею мнения», причем одна из искомых информации касается именно этого вопроса. Естественно, таким образом исключается возможность ответа на основной вопрос: «Считаете ли Вы, что *A*, *B* или *C*?» Однако если респондент все же отвечает на него, в действительности не имея мнения, такой ответ нельзя считать адекватным, поскольку он приводит к единичной ошибке. Но это ошибка иного рода, чем та, о которой говорилось выше (респондент высказывает мнение, отличное от фактически разделяемого, или, иными словами, думает одно, а отвечает другое.)

Предлагаемые понятия нелегко применять на практике. Особенно это касается оценки надежности ответа. Однако более или менее четкое описание необходимо хотя бы потому, что в литературе на сей счет нет ясности. Многие авторы пользуются понятием «деформация», «смещение» (англ. *bias*), без точного определения, в чем оно состоит, что этой деформации подлежит, и сразу же переходят к рассуждениям о систематической и случайной ошибках, не приводя при этом обычно примеров из социологических исследований.

Что касается предлагаемой концепции, то она содержит точные указания, как установить наличие или отсутствие ошибки. Речь идет, прежде всего, о верификации данных, оценке качества ошибок и способов та-

кой верификации. Существуют два ее принципиальных типа: внешний и внутренний. Первый заключается в сопоставлении результатов (на уровне индивида или целой совокупности), полученных при помощи анкетного вопроса, с теми, которые получены способом, обеспечивающим надежность информации. Одновременно подсчитывается количество единичных ошибок. Когда применение такого способа исключено, можно по крайней мере сопоставить данные анкетного опроса с информацией, собранной иным путем, а именно тем, который исследователь обоснованно считает лучшим. Это также создает надежные предпосылки для определения валидности результатов благодаря внешней верификации.

Второй тип состоит в оценке информации на основе оценки процессов ее формирования. Орудием второй является модель вопроса, понимаемая как нормативная. Отступление от нее в реальном процессе формирования информации — и при проведении различных технических процедур, и при вторичном анализе — трактуется как аномалия, которая обычно приводит к ошибке. Замечу, что результаты внутренней и внешней верификации не должны полностью совпадать, поскольку верные ответы, несмотря на ненадежность процесса их формирования, бывают чисто случайными. Независимо от этого, внутренняя верификация (провести ее, впрочем, также довольно трудно) может дать надежные количественные результаты, валидные для оценки информации и вопросов, с помощью которых она получена. Как мне кажется, внутренний тип верификации применим даже там, где внешний исключен.

В связи с обрисованными здесь перспективами проведено немало эмпирико-методологических исследований, посвященных методу оценки валидности результатов и инструментария (особенно до их применения), а также подготовке набора вопросов с заранее оцененной ошибкой измерения [21]. Кроме того, предпринимаются усилия по разработке доступных для социолога стратегий верификации с тем, чтобы узнать, какую информацию о процессе исследования необходимо собрать для оценки (хотя бы с некоторым приближением) надежности своих результатов, даже если не применяется внешняя или внутренняя верификации в развернутой или полной формах [22].

В заключение отмечу, что расширенную информативную концепцию анкетного вопроса можно использовать и при реализации других задач, в частности, при построении корректной классификации вопросов-инструментов, в верификационном анализе, при подготовке инструкции для анкетеров и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 *Szczurkiewicz T.* Niektóre uwagi krytyczne o ankietach // *Studia Socjologiczne.* 1970; *Ossowski S.* O osobliwosciach nauk społecznych. Warszawa, 1962; *Mokrzycki E.* Założenia socjologii humanistycznej. Warszawa, 1971; *Gostkowski Z.* O założeniach i potrzebie empirycznych badań nad technikami i procedurami badawczymi // *Anafizy i próby technik badawczych w socjologii.* V. 1. Wrocław, 1962; O potrzebie humanizacji masowych badań typu surveyowego // *Studia Socjologiczne.* 1974, № 1; O poprawie jakości badań surveyowych // *Studia Socjologiczne.* 1976, № 3; *Гостковский З.* О повышении достоверности опроса в социологических исследованиях // *Социол. исслед.* 1978, № 4.
2. *Cicourel A. V.* Method and Measurement in Sociology. N. Y., 1966; *Churchil J.* Ethnomethodology and Measurement // *Social Forces.* 1971; Dec; *Douglas J. D.* Understanding Everyday Life // *Understanding Everyday Life. Toward the Reconstruction of Sociological knowledge.* Ed. J. D. Douglas. London, 1971; *Boktia-Aski Z., Piotrowski A.* Socio-lingwistyczne aspekty stosowania wywiadu kwestionariuszowego // *Studia Socjologiczne.* 1977, № 1; *KuczyAski P.* Metnoda ankietowa w badaniu zachowan // *Studia Socjologiczne.* 1977, № 1.

3. *Boudon P.* L'axiome de la sociologie. 1971.
4. *Goode W. J., Hatt P. K.* Methods in Social Research, N. Y., 1952. Ch. I.
5. *Wejland A.* Analiza logiczna interrogacji i jej zastosowanie w badaniach spotecznych. Wroclaw. 1977.
6. *Latynski J.* Koncepcje pytania kwestionariuszowego, ich zastosowanie w badaniach, konsekwencje i mozliwosci // Przegląd Socjologiczny. 1978. V. 30.
7. *Anastasi A.* Psychological Testing. N. Y., 1966.
8. *Adorno T. W., Frenkel-Brunswik E., Levinson W. J., Sanford R. N.* The Authoritarian Personality. N. Y., 1950.
9. *Lazarsfeld P. F., Thielens F.* The Academic Mind. Social Scientist in a Time of Crisis. N. Y., 1958.
10. *Giedymin J.* Pytania, zalozenia, rozstrzygnięcia. Studia nad logicznymi podstawami nauk spolecznych. Poznan, 1964. P. II.
11. *Pawlowski T.* Metodologiczne zagadnienia humanistyki. Warszawa, 1969; Pojęcia i metody wspolczesnej humanistyki. Wroclaw, 1977.
12. *Abell P.* Modele w Sojologii. Warszawa, 1975. P. 45.
13. *Lazarsfeld P. F.* Evidence and inference in Social Research//Daedalus, 1958. № 87.
14. *Nowak S.* Studia z metodologii nauk spolecznych. Warszawa, 1965.
15. *Friedrich W., Hennig W.* Der Sozialwissenschaftliche Forschungsprozess. Berlin,
16. *Lutyński J.* A Question as a Tool in Social Survey Research//The Polish Sociological Bulletin, 1979, № 3; Lutyński J. Pytanie kwestionariuszowe i jego rozne koncepcje // Wywiad kwestionariuszowy. Wroclaw, Warszawa. i. in., 1983.
17. *Lutyńska K.* Pilotaz poglebiony//Wywiad kwestionariuszowy. Wroclaw, Warszawa, i. in., 1983. Лютыньска К. Анализ адекватности ответов респондентов, полученных в углубленном пилотаже // Социол. исслед. 1978. № 4.
18. *Moser C. A.* Survey Methods in Social Investigation. L., 1959. P. 314.
19. *Gostkowski Z.* O zalozeniach i potrzebie empirycznych badannad technikami i procedurami badawczymi//Analizy i proby technik badawczych w sojologii. Vol. 1. Wroclaw, 1962.
20. *Волков И. Ф.* Послесловие // Генрих В., Хеннинг В. Процесс социального исследования. М.: Мысль, 1975; Ядов В. А. Социологическое исследование. М.: Наука, 1987; Шляпентох В. Э. Проблемы достоверности статической информации в социологическом исследовании. Киев, 1974; Саганенко Г. И. Надежность измерения социальной информации // Рабочая книга социолога. М.: Наука, 1976. С. 233—257.
21. *Zelazo M.* Analiza weryfikacyjna w badaniach «Style zycia i systemy wartosci a zroznicowanie spoleczne mieszkakow miast» // Przegląd Socjologiczny, V. 30. 1978.
22. *Atterlander P., Kneubuler H. U.* Verzerrungen in Interview. Zu einer Fehlerteorie der Befragung. Opladen, 1975.